

Адвоинженер

**Приступ
весенней
канализации**

Сборник миниатюр

Адвоинженер

**Приступ весенней канализации.
Сборник миниатюр**

«Издательские решения»

Адвоинженер

Приступ весенней канализации. Сборник миниатюр /
Адвоинженер — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-740205-1

С б о р н и к к о р о т к и х м и н и а т ю р, объединенных авторским взглядом
на истоки повседневной суеты.

ISBN 978-5-44-740205-1

© Адвоинженер
© Издательские решения

Содержание

Министр бывшей культуры	6
Старый еврей вместо новых русских	8
Баба Поля	11
Танковых войск лейтенант	13
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Приступ весенней канализации Сборник миниатюр

Адвоинженер

© Адвоинженер, 2018

ISBN 978-5-4474-0205-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Министр бывшей культуры

Это одна из папиных историй. В далекие 1949—1954 гг. мой папа отбывал учебу в Пермском государственном университете по специальности «юриспруденция». Для людей постарше, указание на 1949—54 гг. уже говорит о многом – это были годы победившего социализма. Причем социализм, как мне помнится, победил тогда окончательно, но не полностью. Или полностью, но не окончательно... Не суть.

В то время юристам преподавали латынь, историю, логику и массу иных глупых наук, наряду с действительно важными дисциплинами – Историей Партии, Марксизмом – Ленинизмом, Марксистско-Ленинской Философией и, конечно, Научнейшим Коммунизмом, который, а теперь это уже доподлинно известно, являет собой ярчайший пример наиболее гуманнейшей и научнейшей науке, дважды ордена Ленина дисциплине.

Так вот, на факультете ненужных вещей латынь преподавал один профессор. Как оказалось, он был идейным врагом Первого в мире государства рабочих и крестьян, задолго до ВОСР закончил Сорбонну, владел всеми европейскими и парой десятков экзотических языков, написал массу монографий по истории, иным запрещенным к употреблению наукам. Самое интересное, что в период гражданской войны наш профессор умудрился отметиться в должности министра культуры при правительстве Колчака.

И тем не менее ему дозволили преподавать латынь (по секрету: больше просто не кому было, тссс...). Несколько ранее, в порядке эксперимента, ему разрешили почитать студентам историю древнейшего мира. День на третий «опыт» с треском провалился из-за ревизионистского смеха профессора по поводу того, что ритуальный танец напрямую вытекает из производственных отношений, но... латынь ему оставили. Видимо решили, что на латыни антисоветчину гнать невозможно – все равно никто не поймет.

Папа зашел на первую лекцию немного припозднившись. Вежливо извинившись и получив разрешение, он прошел к своему месту. Хотя в аудитории стоял шум и гам, профессор совершенно спокойно взирал на будущую юридическую элиту. Папу это удивило и он стал внимательно наблюдать за преподавателем. Через какое-то время взгляды их встретились и профессор кивком подозвал папу к себе. Растерявшийся студент встал и приблизился к профессорской кафедре.

– Не угодно ли взглянуть? – тут профессор пододвинул папе огромную книгу, которая оказалась одним из редчайших художественных изданий того времени. В книге были иллюстрации картин художников Возрождения.

– А как же лекция? – спросил папа опасливо поглаживая фолиант рукой и не решаясь взять предложенное сокровище.

– Посмотрите туда – сказал профессор и указал рукой на аудиторию.

Папа посмотрел.

– И что Вы видите?

– Наш поток – пробормотал папа, хотя ясно понимал – не такого ответа от него ожидают.

– Нет, милостивый государь, никакого потока там нет – отрезал профессор.

Папа недоуменно поднял на него глаза.

– А что есть?

– Там сидят абсолютно счастливые люди. И знаете, отчего они счастливы?

– Нет...

– От того, что я не читаю сейчас лекцию. Это же дважды-два. Они – профессор обвел рукой аудиторию – радуются тому, что ничего не узнают. Так стоит ли переживать за какую-то лекцию, если Мы с Вами дарим им возможность насладиться ее отсутствием.

Папа не знал, что сказать.

– Берите, берите. Посмотрите, почитайте. Кстати, Вы ведь свободно читаете на французском?

– Нет... – папа стыдливо потупил глаза в пол.

– Стоит ли этому удивляться? – профессор задумчиво смотрел в пространство – Нет и еще раз нет. Вы меня, старика простите великодушно. Запомню! Я все старорежимными категориями мыслю. Латынь, греческий, французский, английский. Боже упаси! Это ведь отнимет столько времени у общественно-полезного труда. Берите. Вернете когда сочтете нужным.

С этого момента, папа и профессор заружились. Профессор снабжал папу всякого рода литературой, а потом они беседовали в узком кругу. Узкий круг был обязан своим созданием все тому же лицу, поскольку Профессор где-то отыскал еще нескольких ненормальных. Эти левофланговые впоследствии стали лучшими папиными друзьями. Один – доктор химических наук, другой – ректор университета.

Надо ли говорить, что жалобы на бывшего министра культуры сыпались как из рога изобилия. И жаловались на него в основном записные комсомольцы – отличники. Он (профессор) по непонятным причинам не ставил им отлично.

– Как же так, профессор, я же все ответил?!

– Господь свидетель, Вы очень хорошо все рассказали.

– Я-же ответил и билет, и дополнительные вопросы?!

– Несомненно, готов это подтвердить перед Страшным Судом!

– Но почему Вы поставили мне хорошо???

– Позвольте, молодой человек. Вы ведь, если я не ошибаюсь, комсомолец?

– Да, я комсомолец, секретарь комсомольской организации группы!

– Значит, не только комсомолец, но еще и активист?

– Да, я – активист!

– Но, милый мой человек, это же Ваш плакат, комсомольский, висит у нас в коридоре?

– Какой плакат?

– Ну как же, плакат «Комсомольцы! Сдадим сессию на хорошо и отлично!» Сходите, взгляните, если запомнили.

– Ааа, ну да, по поручению комитета комсомола университета мы сами его сделали.

– Так в чем дело? Я ведь Вам поставил ХО-РО-ШО. Ровно как на плакате. Это ли не цель?

Справиться с ним было невозможно. Только физически устранить. Но судьба оберегала старого профессора. Он умудрился пережить и многое, и многих. Реликт, динозавр. Седой, с прямой спиной, безукоризненными манерами, в безупречно отглаженном костюме.

Все годы папиной учебы бывший министр культуры шествовал по коридорам советского университета и ежедневно смотрел на рост, развитие и становление нового человека. Русский интеллигент, старой, еще дореволюционной закваски. Несгибаемый.

Папа говорил – похоже, этот человек, проживая в стране победившего социализма, испытывал примерно те же чувства, что и освобожденные на 45 лет чехи.

Очень похоже...

Старый еврей вместо новых русских

В теперь уже далеком 1994 году, подрядился я консолидировать контрольный пакет акций одного из крупных наших заводов. Консолидировать для управленцев этого же завода. Директора и его команды. Для тимуровцев. Предварительно, ко мне в офис прибыло одно «ну очень заинтересованное» лицо. Это лицо объяснило и цель визита, и назвало своего рекомендателя – другое «ну очень уважаемое» лицо, и представило гарантии финансовой состоятельности. Весь артикул был соблюден, мы заключили договор и начали работать.

Работа заключалась в том, чтобы обойти все цеха и рассказать трудящимся о том, почему им срочно необходимо передать только что полученные в результате приватизации акции в доверительную аренду. И передать специально для этой цели созданной компании.

Мы, я и лицо, это сделали. И сделали успешно. Люди потянулись передавать акции. Через пару недель у нас уже был контрольный пакет голосов и мы стали готовить общее собрание акционеров, на котором должны были быть сформированы из старых проверенных кадров, новые, постприватизационные органы управления.

Кандидатов в эти органы выдвигали сами акционеры. А мог быть избранным лишь тот кандидат, за которого проголосует та самая компания, которая и была нами создана. Все шло как по маслу...

Накануне собрания я прибыл на завод с контрольно-профилактической целью. Проверить работоспособность всех систем. Готовы ли бюллетени для голосования, журналы регистрации, протоколы, уведомления.

Зайдя в дирекцию и попив кофе в составе самых высоких управленцев, я уже засобирался обратно, как вдруг ко мне тихо подошел один человек. Он отвел меня в сторону со словами – С Вами хочет поговорить Марк Аронович.

Я сказал – Хорошо, а кто такой Марк Аронович?

Человек, сообщивший мне об этой встрече, вдруг напрягся и вытянулся

– Как? Вы не знаете кто такой Марк Аронович?

Я сказал, что не знаю. Тогда человек, перешел на свистящий шепот и объяснил мне, что Марк Аронович большой авторитет. При этом недвусмысленно подчеркнул – очень большой.

– А кем он работает? – задал я следующий и как оказалось абсолютно бестактный вопрос.

– Какая разница – нетерпеливо бросил человек – Заведует складом в цехе комплектующих, по-моему. Какое это имеет значение! Я же Вам объясняю – Марк Аронович – Авторитет. Пойдемте, нас уже ждут.

Однако, прежде чем пойти, я подошел к группе управленцев и спросил у них – Господа! Мне сообщили, что Марк Аронович хочет со мной увидиться. Что бы это значило?

На меня тут же замахали руками. Слава Богу – сказал один. Идите скорее. Познакомитесь, глядишь еще и подружитесь. Не тяните. Остальная группа лихорадочно закивала – Идите, идите!

Меня долго вели заводскими дорогами. По каким-то мосткам, через железнодорожные пути с нависшими над ними кран-балками. Через шум, лязг и копоть. Наконец мы прибыли в цех комплектации, прошли его насквозь, поднялись по железной лестнице на второй этаж и оказались перед довольно невзрачной дверью. Мой сопровождающий остановился, осмотрел меня со всех сторон и со вздохом – Ну с Богом! – отворил дверь. Я вошел. Каптерка, как и все подобные помещения, была плохо освещена.

– Здравствуйте, молодой человек! – Навстречу мне поднялся из-за стола высокий и мощный человек, лет шестидесяти.

– Несказанно рад, что нашли возможность навестить старика! Очень приятно, я Марк Аронович!

Я вежливо поздоровался, сказал, что рад знакомству. Чем могу?

Марк Аронович усадил меня за стол, налил чашку чаю и произнес:

– Как быстро растут дети! Я имел счастье быть знакомым еще с Вашим дедом -Дмитрием Наумовичем!

– Правда! – я радостно улыбнулся (оказывается это дедушкин знакомец – этим видимо и объясняется интерес)

– И про Вашего отца наслышан, но как-то не довелось лично быть представленным – продолжал Марк Аронович – Как он поживает?

Я поблагодарил, сказал, что папа Слава Богу жив-здоров, работает.

– Эти... (тут Марк Аронович упетрибил нецензурное) не дали назначить его председателем! Но это всегда так. Нам не привыкать.

Марк Аронович оказался весьма осведомленным человеком. Действительно, назначение папы на пост председателя суда было согласовано на самом высшем уровне, но в последний момент сорвалось из-за действий одного весьма высокопоставленного лица.

– А как поживет Боря Ш?

Оказывается Марк Аронович знал не только моих отца и деда, но и друзей папы, а также их родственников.

Боря Ш. приходился дядей Роберту Ш, а Роберт был лучшим другом папы еще со школьной скамьи. При этом, Боря Ш. проживал в городе-герое Севастополе и работал, как я тогда полагал, младшим снабженцем на каком-то местном предприятии.

Я ответил, что последний раз видел Борю Ш в 1984 году. Он тогда приезжал в гости с проверкой деятельности своего сына Лени Ш. Леня Ш. с детства считался балбесом. Поэтому его папа попросил своего благополучного и успешного племянника Роберта Ш. (а он уже был доктором технических наук) пристроить своего сына хотя-бы в аспирантуру. Роберт выполнил пожелание своего дяди и Леня Ш. попал в очную аспирантуру нашего института, где и пребывал в неведении относительно предмета своих диссертационных исследований в области сварки трением, поскольку учился за него все тот-же Роберт.

– Боря Ш. большой человек – задумчиво сказал Марк Аронович

Тут уже удивился я, но не подал виду. Понятно, что для заведующего складом, снабженец находится на более высокой ступени социальной лестницы. Видимо Марк Аронович уловил толику иронии в моем кивке и прояснил:

– Если Борю Ш попросить достать ракету класса Земля-Воздух то он не спросит Вас ни о чем, кроме цены и сроков. А Вы говорите приватизация...

Теперь я уже стал удивляться открыто.

– Кто, Боря Ш? Этот тишайший и милейший человек. Человек который подолгу просиживал с нами (тогда еще детьми) за домино. Который с удовольствием рассказывал еврейские анекдоты, восхищался тети Таниной стряпней и сетовал на дурачка Леню?

– Да, да, да! – весело поддержал Марк Аронович. Точно! Борька всегда таким и был. Мы же с ним еще с пятидесятых дружим. Он мне и там помогал, а потом я ему.

– Где там? -недоуменно посмотрел я на Марк Ароновича

– Деточка, ТАМ – это ТАМ. Там – это значит не здесь. Я понимаю, что дед и отец берегли Вас пуше жизни, но что такое ТАМ, должен знать каждый уважающий себя гой.

Я молча смотрел на него – Вы имеете ввиду...???

– Именно, именно это – рассмеялся Марк Аронович. В нашей стране, ТАМ побывала половина населения и почти сто процентов всех умных. В университете – если хотите.

Наконец до меня дошло, что такое ТАМ.

– А Вашему дедушке просто несказанно повезло. Они его сдуру отпустили. Или, как я подозреваю, он их просто перехитрил.

– Так это же было в 37—38 – выпалил я.

– Что Вы говорите? – Марк Аронович сделал удивленное лицо. А сейчас какой?

– 1994 – тупо произнес я.

– Пока да – уже в задумчивости молвил он. Но! – Марк Аронович поднял голос. – Все еще может вернуться.

Повисла пауза, которую разрядил сам хозяин.

– Я, собственно, зачем хотел встречи с Вами. Тут до меня дошли слухи, что Вы делаете для завода очень полезную работу. – Я кивнул.

– Так вот, как оказалось, не всем Ваша работа нравится.

Я поднял на него изумленный взгляд и уже хотел было спросить, но Марк Аронович остановил меня жестом.

– Не будем сейчас о персоналиях. Я хочу чтобы Вы поняли! Если кто-нибудь будет Вам угрожать, или Вам покажется, что Вам собираются угрожать, то Вы уж не обессудьте, уважьте старика, поставьте его (старика) в известность.

Тысяча вопросов крутилась у меня в голове: Кто, что, зачем, какие угрозы?

Однако я пообещал тут же сообщить

– И безо всяких стеснений и реверансов – подытожил Марк Аронович.

Я согласился и с этим.

Потом Марк Аронович пожелал долгих лет мне, моей семье, всем родственникам и мы расстались.

После этого, я более не встречался с Марком Ароновичем никогда. Но вот что удивительно. Люди вокруг, каким-то образом начали считать, что Марк Аронович гарантирует бесперебойную работу как моих мозгов, так и организма в целом. И что все вопросы безопасности проживания меня и моей семьи сняты еще задолго до моего рождения.

Чудны дела твои...

Баба Поля

Я пришел и гордо объявил – Поступил!

– И куда? – последовал вопрос. Баба Поля сидела за столом в большой комнате и читала газету. Очки как всегда пребывали на кончике ее носа.

– В институт.

– В какой?

– Слушай! Ну я же уже сто раз говорил. В политехнический.

Баба Поля оторвала глаза от газеты.

– Митя, ты слышишь? – крикнула она в сторону соседней комнаты. Там мой дед натирал полы. Полотер выключили

– Что ты сказала, Поленька? – в дверях стоял дед

– Твой внук поступил в политехнический институт.

Дед посмотрел на меня.

– А, так ты уже здесь. И как дела?

– Поступил!

– Очень рад! – торжественно сказал дед – Надо это отпраздновать

– Митя! – строго вступила баба Поля – Ты что, забыл?

– Поля! – не менее строго откликнулся дед – Внук поступил в институт!

– И что там преподают? – уже ко мне обернула свой вопрос баба Поля

– Сопоротивление материалов – ответил я – Это моя будущая специальность

– А кто преподает? – не унималась бабушка

– Я еще не знаю конкретных преподавателей, но кафедрой заведует Гохфельд Давид Ааронович

– Хм... как ты назвал, Гинзбург? Митя, это не из тех Гинзбургов, ну, ты помнишь.

Мы еще на Симстрое вместе жили после войны.

– Да нет, не Гинзбург, а Гохфельд...

– Аааа! – сказала бабушка – я с Гинзбургами дружила, помогала Соне по русскому языку.

Митя, ты помнишь как к нам приходила Соня. Ей еще Юлик нравился.

Дед откуда-то извлек бутылку шампанского.

– Нет, ты подумай! – вскинулась баба Поля – У него оказывается где-то было шампанское.

А про артрит он уже не помнит!

– Поленька, я же тебе давно сказал, что приготовил шампанское на этот случай.

– А если он – баба Поля кивнула на меня – завтра поступит в балетный класс?

Дед откупорил шампанское, разлил его по бокалам и произнес тост – За успехи в учебе!

– Слушай... – начала опять баба Поля – Как ты сказал, Гохберг? Я знала одного Гохберга еще до войны. Мы встречались в Киеве. Сколько ему сейчас?

– Кому, Гохбергу или Гохфельду?

– Не морочь мне голову! Митя, ты помнишь Иосифа?

– Конечно помню, не начинай, пожалуйста! – резко ответил дед и демонстративно отвернулся от бабы Поли

– А что такого! – не унималась та – Это был очень приличный молодой человек, из хорошей семьи. Отец у него раввин. И кстати, он умел красиво ухаживать...

Дед закашлялся, поставил бокал на стол и вышел из-за стола.

– Так, и что твой Гохфельд? – баба Поля смотрела на меня поверх очков – Он еврей? Хотя какое сейчас это имеет значение

– По моему, он алеут – пошутил я.

– Давид Аронович алеут?! – рассмеялась баба Поля – Митя, нет, ты слышишь, у мальчика юмор. Он назвал Додика Гохфельда алеутом. Умереть, не встать!

Митя вошел в комнату и снова сел за стол

– Поленька, сейчас конец двадцатого века и уже не спрашивают, кто ты по национальности.

– А что тут спрашивать? Когда называют фамилию Гохфельд, и говорят, что он доктор наук, зовут Давидом, а папу звали Аароном, ну...

Мы выпили по второму бокалу.

– Скажи а Таня Ш. с тобой вместе будет учиться?

– Да, только на другом факультете!

– Что так? Она хорошая девочка и вы дружили в детстве.

– Дружили, но учиться будем на разных факультетах – я не понимал какое отношение к моему блестящему поступлению имеет Таня Ш.

– Странно – баба Поля задумалась – она наверно в отца. Кончила с медалью английскую школу, пошла учиться в политехнический. Роберт, он тоже много учился. Митя, ты помнишь как Роберт сдавал экзамены?

– Так Роберт и насоветовал нашему внуку эту специальность – вставил дед

– Ему на эту, а Таню отправил на ту, странно... – баба Поля выражала серьезное недоумение – Почему?

– Они считают, что металловедение (специальность на которую поступила Таня) больше подходит для девушки.

– Для девушки больше подходит выйти замуж за порядочного человека – парировала баба Поля. Потом спохватилась и добавила – конечно после окончания института. Митя! Ты помнишь тех гимназисток, что играли у нас в саду еще до катастрофы (имелась ввиду Великая Октябрьская Социалистическая Революция). Тебе еще одна понравилась. Как ты ее тогда назвал, Софочкой...

Танковых войск лейтенант

Тридцать тысяч сигарет назад я был несколько моложе чем сейчас и еще не очень женат. Учился в политехническом институте по специальности «Соппротивление материалов» и занимался в первом городском атлетическом клубе с оригинальным названием «Атлет». Жизнь улыбалась мне. Первый курс я закончил на отлично и еще стал чемпионом города по атлетическому троеборью. Дома у меня находилась вполне приличная коллекция джаз и рок пластинок (винил), а из-за границы, из солнечной страны Италия, моя тетя обеспечивала меня товарами первой необходимости – пластинками, джинсами, дубленками, кожаными куртками, обувью, пластиковыми пакетами и жвачкой.

А на дворе цвел самый что ни на есть застой. 1979—1980 гг. Леонид Ильич Брежнев, еще будучи в добром здравии, претендовал на Государственную премию в области литературы, на шестую звезду героя и на присвоение ему звания генералиссимуса. КПСС – была умом и честью, а главное – совестью целой эпохи. Магазины выглядели пустыми, а деревья казались большими...

Представляете себе, молодой человек, атлетического телосложения, учащийся на одной из самой престижной специальности, хорошо и модно одетый, обладающий сокровищами в виде виниловых пластов и огромной родительской библиотеки, да еще с видами на выезд в Италию. Умереть, не встать! И эта райская картина могла продолжаться до самого окончания института, если бы не...

Со второго курса пошла военка. Один день в неделю – вынь, да полож! Нас переодели в какую-то зелень и на целый день засовывали в темные подвалы института. Огневая подготовка, строевая, матчасть, ремонт и эксплуатация, чего-то еще, химзащита, приборы УА ППО, дозиметры регистрирующие... Из нас пытались сделать танкистов, защитников Отечества в форме лейтенантов танковых войск. Для решения подобной архиважной задачи, государство не жалело ни средств, ни танков. Танки у нас были целые, разрезанные, с вычлененными агрегатами, пушками, затворами и прочими наглядными пособиями. На входе стояли дневальные, отдавали честь, делали артикул. Все по взрослому. И вот эта штука, поначалу казалась мне абсолютно непреодолимой. Сильнее чем Фауст Гете.

На экзамене по огневой подготовке я получил свои верные и вполне заслуженные 2 балла. При том что по математике, физике, теормеханике, сопромату, химии у меня были сплошные отлично. Бдительные органы сразу заподозрили неладное – уж не провокация ли это? Не анти-ли советская выходка?

Заведующий кафедрой Соппротивления материалов (Царство ему небесное – золотой души человек) Гохфельд Давид Аронович пригласил меня к себе в кабинет и печально спросил про неуд по военке. Я сказал, что не могу запоминать всякую ахинею, не могу шагать в строю, не желаю тупить вместе со всеми и т. д. Заведующий меня выслушал и тихо сказал: Прошу Вас, сдайте вы эту военку, хотя бы на удовлетворительно – и подчеркнул – Я Вас очень прошу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.